

# НАУКА И СВИСТОПЛЯСКА, ИЛИ КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

*(Рассказ в стихах и прозе, со свистом и пляскою)*

Т и т Т и т ы ч. Настасья! Смеет меня кто  
обидеть?

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Никто,  
батюшка Кит Китыч, не смеет вас обидеть.  
Вы сами всякого обидите.

*Островский<sup>1</sup>.*

## 1

### ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

**«Свисток умер! Свисток кончил свое земное странствие!  
Так и должно было ожидать, ибо, не признавая ничего  
возвышенного в мире, жить долго невозможно».**

Такие слухи и мнения давно уже ходили по России и особенно усилились с начала великого поста, когда с закрытием театров и прекращением балов образованному обществу решительно нечего делать, кроме как только сплетничать. Мы долго и упорно молчали, но наконец решаемся протестовать. Прискорбно, конечно, объявлять, что я, дескать, жив, и, сколько мы помним, в русской литературе только Алексею Дмитриевичу Галахову пришлось однажды сделать такое объявление<sup>\*2</sup>. Но что делать? Известно, что неблагонамеренные слухи могут доводить людей до отчаянных выходов. И мы предупреждаем, что если слухи о смерти «Свистка» не прекратятся, то мы последуем примеру санктпетербургской полиции, объявившей недавно в «Полицейских ведомостях» (№ 54), чтоб никто не верил

---

\* См. «Отеч. зап.», 1849 г., № 2, Смесь, стр. 259. «А Д. Галахов жив и здравствует в Москве, деятельно работая над своими хрестоматиями, которые приобрели теперь повсюдную заслуженную известность и приняты в руководство в казенных учебных заведениях».

ложным слухам о дочери г. Вебера<sup>3</sup>. Вообще считаем небесполезным объявить, что мы жизнь свою дешево не продадим!!

Мы, впрочем, и теперь не вышли бы в свет, если б не вызывало нас особое обстоятельство. Мы не очень гонимся за тем, чтобы беспрестанно быть на

82

выставке, и очень радуемся, видя, что наше дело, то есть забава читателей, исполняется не без успеха другими. С нашей легкой руки «Свисток» под разными названиями появился во всех русских журналах, даже наиболее похожих на «Revue des deux Mondes»<sup>4</sup>, которым так кололи нам глаза. Так, например, в «Отечеств. записках», с которых еще очень недавно снят эпиграф: «beate plane aures»<sup>5</sup>, и пр., появилась в конце прошлого года весьма юмористическая статья г. Буслаева «О древнерусской бороде»; а в «Русском вестнике» недавно напечатана статья г. Ржевского<sup>6</sup> «О мерах, содействующих развитию пролетариата», до того родственная со «Свистком», что у г. Лилиеншвагера оказалось несколько стихотворений, почти буквально сходных с некоторыми ее местами. А сколько свисту было в Петербурге, когда г. Серно-Соловьевич ораторствовал, а Е. И. Ламанский приказывал всем молчать!<sup>7</sup> А на железных-то дорогах сколько свисту!<sup>8</sup>.. Свисток решительно вошел в нравы — и не только русские, но даже французские, ибо и в главном обществе железных дорог акционеры, директора и инженеры свистали, можно сказать, в запуски... Видя такое всеобщее рвение к свисту, мы уже и не считали нужным утруждать себя для общественного блага. Но случилось обстоятельство, разлившее в нас именно то

душевное довольство, при котором свищется само собою, умиленно и весело. Обстоятельство было вот какое.

До сих пор солидные люди нас знать не хотели, или, говоря любимым словом некоторых ученых, «игнорировали»<sup>9</sup>, и это чрезвычайно нас беспокоило. «Что же это в самом деле, думали мы: разве мы не стоим никакого внимания? Ну, положим, я дурен; так и скажи, что я дурен, а не молчи! Ведь писали же в «Атенее» несколько статей о сухих туманах; что ж, мы разве хуже сухих туманов?»<sup>10</sup> Но молчание о нас продолжалось невозмутимое; даже Гарибальди не прислал (как мы ожидали) протеста на наши «Австрийские стихотворения». Впрочем, Гарибальди мы еще извиняли: как хороший знакомый г. Берга<sup>11</sup> (смотри об этом в письмах г. Берга, «Русск. вест.», № 14) он, вероятно, следит за русской литературой более по «Русскому вестнику», да и там, после переводов г. Берга, всего больше читает статьи и стихотворения семейства Павловых...<sup>12</sup> Но пренебрежение русских ученых нас очень беспокоило. Мысль привлечь их внимание все более овладевала нами, а один из наших сотрудников дошел даже до того, что заключил мечту всей своей жизни в том, чтобы увидеть о «Свистке» печатный отзыв профессора *Леонтьева*!<sup>13</sup> Как мы ни уверяли нашего сотрудника, что г. Леонтьев, по одним уже строгим и классическим отношениям своим к университету, должен удалять от себя всякую мысль о свисте — ничто не помогало: мысль видеть в печати отзыв г. Леонтьева о «Свистке» долго мучила нашего друга, и едва мог он утешиться известием, что о «Свистке» говорят даже за границей<sup>14</sup>. Впрочем, мы сознаемся, это уже была крайность, нечто болезненное — *mania leontiana*\*. Мы не доходили до такой степени и охотно бы

\* мания леонтьевского, по типу *mania grandioso* — мания величия (*итал.*). — *Ред.*

удовольствовались, если б увидели, что заслужили внимание, напр., хоть г. Рачинского, столь знаменитого своею критикою стихотворений г. Майкова (справьтесь, пожалуйста, в «Рус. вестн.», 1858 г., № 10). Если же заговорил бы о нас

83

г. Бунге, г. Горлов и вообще кто-нибудь из ученой публики, дававшей недавно обед бельгийскому экономисту Густаву де Молинару<sup>15</sup>, — нашему счастью пределов бы не было... Но нет, наши ученые решительно продолжали нас «игнорировать». Они вспоминали скорее о предметах самых отдаленных, нежели о нас. Например, г. Утин, говоря во вступительной лекции<sup>16</sup> (см. в «Отеч. зап.», № 1) о начале государственной жизни у разных народов, ухитрился привести латинскую цитату из Тацита о государственной жизни германцев, а не потрудился поискать свидетельства в «Свистке». Еще недавнее г. академик Грот, выражая в «СПб. ведомостях» свое удовольствие от первого литературного вечера в пассаже, вдруг заговорил собственными стихами<sup>17</sup> о том,

*Как струны Брагга запоют.*

Брагга этого он называет «скандинавским Аполлоном». Но скажите на милость, неужели «Свисток» не ближе к литературным чтениям, нежели какой-то скандинавский Аполлон?.. О «Свистке» следовало бы тут упомянуть уже и потому, что стихотворение «Нива», непрерывно читаемое г. Майковым в пользу нуждающихся литераторов, было отчасти помещено в «Свистке»<sup>18</sup>, правда, в извлечении, но зато с весьма

энергическим последним стихом. И однако же — о Брагге поведано русской публике устами почтенного академика, а о «Свистке» ничего не сказано! Мы ужасно огорчились, и в горе своем рады были даже г. Бестужеву–Рюмину, косвенно объяснявшему нам в «Отеч. записках» (1859 г., № XI) все неприличие «Свистка»<sup>19</sup>. В награду за такое внимание мы было решились даже при первом удобном случае произвести его в великие ученые.

И вдруг что же открывается? Открывается, что вся игноранция ученых была в этом случае фальшивая, совершенно так, как в большинстве других случаев бывает фальшива их эрудиция. Они зорко следили за «Свистком» и очень хорошо знали, что это такое, но «диссимулировали» свое знание\*. Открылась эта диссимуляция благодаря исследованиям г. Костомарова о начале Руси. Само собою разумеется, что сам г. Костомаров не предполагал таких результатов от своих исследований о варягах. Но такова уже участь великих открытий, что они делаются случайно. Очень вероятно, что и г. Чичерин, работая над своей диссертацией о русских областных учреждениях XVII в., не предполагал, что диссертация эта поведет к открытию слабости профессора Крылова<sup>20</sup> и силы профессора Леонтьева в латинских склонениях; а вышло так. То же самое случилось и теперь. Впрочем, расскажем все по порядку и теперь уж без отступлений.

\* Диссимулировать — *dissimulare* — значит притворно отрицать чувство или мысль, которые действительно в нас существуют. А есть другое слово, симулировать — *simulare*, так то значит — притворно показывать в себе то, чего нет в самом деле. Для удобнейшего сбивания в различении этих слов есть стих, который я всегда перевирал, но наконец запомнил, потому что профессор латинской словесности в течение курса повторил его нам 23 раза. Вот этот стих:

*Simulantur quae non sunt, quae sunt vero — dissimulantur\*\*.*

*Примечание сотрудника, добывающегося отзыва от г. Леонтьева.*

\*\* Симулируется то, чего нет; что есть в действительности — диссимилируется (лат.). — Ред.

В то самое время, как г. Костомаров печатал в «Современнике» статью о Руси литовской, г. Погодин издал книжку о *норманском* периоде русской истории. При разборе этой книжки в «Современнике» с обычной скромностию замечено было<sup>21</sup>, что новый взгляд, отвергающий норманство, должен возбудить новые хлопоты со стороны г. Погодина, который вот уже лет пятнадцать победоносно почил на норманском вопросе, точно в Валгалле, окруженный Валкириями в образе гг. Устрялова, Касторского, Зернина<sup>22</sup>, и пр. Предположение «Современника» оправдалось: г. Погодин приехал из Москвы, чтобы вызвать г. Костомарова на публичный диспут о том, кто были призванные варяги, норманны или литовцы. Но это для нас не главное; главное в том, что вызов свой г. Костомарову сделал г. Погодин письменно и что в письме этом посвятил несколько дельных и новых мыслей собственно нам. Он изобрел для нас особое название: «рыцари Свистопляски», довольно пространно говорил о том, что он с нами и говорить—то не хочет, и наконец, обращаясь к г. Костомарову, так возопил: «я считаю вас честным, добросовестным деятелем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей, которые, *пользуясь исключительным положением (?)*, присвоили себе на минуту авторитет в деле науки и приводят в заблуждение неопытную молодежь». Затем, вызывая г. Костомарова на ученый поединок, г. Погодин прибавил: секундантов мне не нужно, разве тени Байера, Шлёцера и Круга<sup>23</sup>, если у вас в Петербурге есть вызыватели духов; *а вы, ради потехи, можете пригласить себе в секунданты любых рыцарей Свистопляски*». На что г. Костомаров отвечал, что лучше выбрать живых посредников из ученых мужей нашего времени (только не того, которое в Москве

издается)<sup>24</sup>, ибо «тени Байера, Шлёцера и Круга не помогут нам: они уже только тени, да если б и имели тело, то не могли бы сохранить совершенного беспристрастия; а настоящая моя готовность отказаться от своего мнения, если оно не будет иметь достаточной силы, чтобы убедить наших посредников, может служить М. П. Погодину ручательством, что я не думаю мнение свое защищать одобрением рыцарей Свистопляски».

Можете себе вообразить наше торжество, когда мы узнали все это — сначала из устных рассказов (ибо о Костомарове, Погодине и Свистопляске жужжал несколько дней весь город), а потом из «Санктпетербургских ведомостей». Так вот они как не знают—то нас! — радостно подумали мы. Они, как видно, покоя не имеют от нашего свиста; они до того нами заняты, что даже клички нам придумывают и распускают. Наш свист мешает спокойно гореть их труженической лампаде, к нашему свисту прислушиваются они постоянно —

В своих занятиях суровых,  
В посте, молитве и трудах!<sup>25</sup>

Вопреки их воле и желанию, наш свист слышится им из—за каждой строчки сочиняемых ими книг, из—за каждой фразы произносимых ими спичей. Наш свист для них —

Das ist die ganze Wissenschaft,  
Das ist der Bücher tiefster Sinn!<sup>\*26</sup>.

---

\* Это вся наука, это книг глубокая мысль. Г е й н е (нем.). — Ред.

Споря с г. Костомаровым как будто бы о норманнах, г. Погодин главным образом обращает свое негодование на нас и горячится при этом вовсе не за норманнов, а совершенно по другим причинам, которые угадать, конечно, нетрудно. О норманнах «Свисток» никогда и не думал толковать; что нам до них за дело? Г. Погодин не мог даже знать, согласны ли мы с ним или с г. Костомаровым. В «Современнике», конечно, была рецензия, говорившая отчасти в пользу нового мнения, но ведь «Современник» все-таки еще не «Свисток». В «Современнике» участвуют время от времени почтенные люди<sup>27</sup>, как, напр., г. Лакиер, г. Де-Пуле, г. Аполлон Григорьев, не безызвестный г. Погодину<sup>28</sup>, и т. п. Следовательно нельзя предположить, чтобы под *«кучею шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей»* г. Погодин разумел «Современник»\*. Дальнейшее добавление о рыцарях Свистопляски — без всякого пояснения, кого разуметь под этим, — доказывает, что и все предыдущее относилось к «Свистку». Итак, почтенный ученый, академик и заслуженный профессор, находящийся уже, можно сказать, в преклонных летах, никак не мог, начиная ученый спор, отстранить от себя мысль о «Свистке» и до того разгорячился, что даже заподозрил между нами и своим ученым противником — некоторого рода комплот! Это нам очень польстило.

Но мы все еще страшились, что г. Костомаров разочарует нас, обнаружив полнейшее неведение о «Свистке». Где ж ему, рассуждали мы, погруженному в изыскания о Жмуди и о жизни русского народа в XVII столетии<sup>29</sup>, знать что-нибудь о нас! Но нет, оказалось, что и он знает нас очень хорошо. Прочитав о рыцарях Свистопляски, он не пришел в изумление, не спросил, что это за рыцари и что за Свистопляска, и с

\* Мы в этом окончательно убедились, узнав, что г. Погодин *сам пожелал* поместить в «Современнике» свои возражения г. Костомарову.



какой стати о них упоминает ученый единоборец. Он принял все дело так, как будто бы ему рыцари Свистопляски были столько же понятны и знакомы, как и Шлёцер, Байер и Круг. Вот, значит, мы каковы! Просто, значит, всемирную славу приобрели! Правда, что г. Костомаров выразил нежелание защищать свое мнение нашим одобрением; но ведь он и тени Шлёцера с товарищами отверг, значит мы тут еще не очень обижены. Правда, и в том надо сознаться, г. Костомаров обнаруживает как будто даже некоторую боязнь, чтоб его с нами не смешали и не причислили к нашему рыцарскому кругу; но и это ничего. Конечно, самолюбие, свойственное всякому человеку вообще, а свистящему в особенности, говорит нам, что если б г. Костомарова и к нашему кругу причислили, то для него особенной беды и бесчестья от этого еще не было бы. Но, во всяком случае, важно не то, благосклонно ли на нас смотрят ученые, а то, что они обращают на нас внимание. «Нам лишь бы обратили внимание», — как говорит Белогубов у Островского<sup>30</sup>. А что отзываются о нас с пренебрежением, так ведь это от нас же заимствовали: мы сами обо всех, исключая разве г. Бешенцова и еще немногих, говорили если не с пренебрежением, то с некоторою недоверчивостью; вот и о нас теперь так говорят, и это служит новым доказательством, что ученые мужи изучают нас очень тщательно. Да, впрочем, об этом всего лучше свидетельствует самый диспут г. Погодина, при котором Свистопляска получила такие прочные права гражданства в ученом

мире и о котором мы намерены теперь рассказать вкратце. В г. Погодине мы заметили прилежное изучение Свистопляски, и чего в этом деле возможно достичь изучением, он достиг; недоставало маститому ученому только природной ловкости и легкости, чтобы мы могли воскликнуть: нашего полку прибыло! Да еще недоставало почтенному академику той твердости духа, которою так отличались защищаемые им норманны, а теперь отличаемся мы, рыцари Свистопляски. Он не решился прочитать пред публикою письмо свое сполна, со всеми обращениями к нам; мало того — он *отступился от своих слов*<sup>31</sup>, сказанных в напечатанном отрывке его письма. Мы уже этого никогда не делаем. Пусть теперь г. Погодин отправится за море и привезет на нас целую тучу норманнов; пусть съездит опять в Москву и оттуда вывезет себе в подкрепление хоть всё наше время с самим Н. Ф. Павловым; пусть он, наконец, сделается хоть постоянным сотрудником «Современника»: мы все будем продолжать нашу борьбу и не отступимся ни от одного шага, сделанного нами!! Это для нас, разумеется, и не трудно, потому что мы ведь действуем хладнокровно, и даже с большой приятностью, а не горячимся, как г. Погодин. А притом и наше звание не позволяет нам отступать, если уж нас затронули. «Погибни, но погибни поражая противника» — вот наш девиз: на то мы и рыцари!

Но г. Погодин, как мы сказали, сделавшись нашим подражателем и союзником, сам себя уже поразил достаточно, и потому нам остается только, вместо боевой тревоги, насвистывать победную песнь и с великодушием победителей припомнить факты минувшей битвы. *C'est ce que nous ferons\**, с помощью нашего барда — Конрада Лилиеншвагера.

---

\* Это мы и делаем (фран.). — Ред.

## НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС В ПЕТЕРБУРГЕ

*Domine, libera nos a furore normannorum!..*<sup>\*\*</sup>

Еще один общественный вопрос  
Прибавился в общественном сознании:  
Кто были те, от коих имя «Росс»  
К нам перешло по древнему сказанью?  
Из–за моря тогда они пришли  
(Из–за моря идет к нам все благое).  
Но кто ж они? В каких краях земли  
Шумело море то своей волною?  
Не знаем мы! Искали мы его  
От Каспия, куда струится Волга,  
Где дешева икра, — вплоть до того,  
Где странствовал Максимов очень долго<sup>32</sup>.  
На Черном море думали найти,  
Где общество родного пароходства<sup>33</sup>  
Цветет, растет и будет все цвести  
Десятки лет, на зло недоброхотству.  
На Балтике его искали мы,  
Где вознеслась полночная столица,  
Где среди болот, туманов и зимы  
Жизнь так легко и весело катится.  
Так мы не день, не месяц и не год,  
А целый век, от моря и до моря,  
Метались, как угорелый кот,  
Томительно исследуя и споря.  
Но наконец, измучась, истомясь,

---

<sup>\*\*</sup> Боже, освободи нас от ярости норманнов (*итал.*). — *Ред.*

Решились все на том остановиться,  
На чем застал момент последний нас, —  
Чтоб с этим делом больше не возиться!  
В такой-то час норманство водворил  
И дал почить нам господин Погодин.  
И с той поры весь русский люд твердил,  
Что Рюрик наш с норманнами был сроден.  
Но снова мы сомнением полны,  
Волнуются тревожно наши груди:

87

Мы слышим, что норманны сменены  
Варягами-литовцами из Жмуди...  
Норманнов уничтожил, говорят,  
В статье своей профессор Костомаров.  
Погодин хочет встать за прежний взгляд  
И, верно, уж не пощадит ударов.

Кому-то пасть? Кому-то предлежит  
Нас озарить открытием благодатным?  
Бог весть! Но грудь у всех у нас горит  
Предчувствием каким-то непонятым.  
Привет тебе, счастливая пора  
Поднятия общественных вопросов,  
В дни торжества науки и добра  
Томит нас вновь призыв варяго-россов!

Что ж делать нам? Как разрешить вопрос,  
Который так давно нас всех тревожит?  
Он в детстве нам так много стоил слез  
И, кажется, в могилу нас уложит!

*Конрад Лилиеншвагер.*

3

## СТОЛИЧНАЯ СУМАТОХА В ПОЛЬЗУ НАУКИ

Что возмутило вас? Волнения Литвы?<sup>34</sup>

*Пушкин.*

Предыдущее стихотворение г. Лилиеншвагера довольно удачно выражает то отчаянное положение, в каком находился Санкт–Петербург в последнее время в отношении к варяжскому вопросу. Но действительность далеко превосходила поэтическое описание. Варяги занимали действительно все образованное общество наше, до того, что слова «Погодин», «Костомаров», «дуэль» беспрерывно оглашали воздух — и на Невском проспекте, и на набережных Невы, и в театрах, концертах, ресторанах, и даже в каждом доме, где сходилась пять–шесть человек. Устроивались даже ученые собрания<sup>35</sup> по этому поводу, где ужасно горячились о том, как «поставить вопрос» между двумя противниками: исторически или юридически? В других кругах, недошедших до такой мудрости, утверждали, что Погодин вызвал Костомарова на дуэль и что они просили на это разрешения, но не получили. Некоторые находили это похвальным, другие же не одобряли запрещения дуэли, говоря, что хотя вообще дуэль безнравственна, но в этом случае без нее нельзя было, ибо варяжский вопрос сам по себе есть для нас вопрос жизни и смерти<sup>36</sup>, особенно в настоящее время, когда России скоро исполнится тысяча лет. Наконец дело объяснилось, когда в газетах объявлено было о диспуте в университете. Но тут толки еще усилились. Утверждали, что дело будет

решаться всеми присутствующими, на голоса, и таким образом несомненно уже будет, кого Русь лучше хочет — норманнов или литовцев. Кроме того рассказывали, что среди университетской залы будет устроен костер, на котором сожгут сочинения побежденной стороны. Вообще — варяжский вопрос сильно волновал умы, так что, смотря на всеобщее движение Петербурга, г. Лилиеншвагер сочинил даже, во славу нашей любви к науке, следующее стихотворение, которое должно насвистываться на голос: *«Вот на пути село большое»*<sup>37</sup>.

Пока не требуют столицы<sup>38</sup>  
Вопрос общественный к себе,  
Услышишь вздор и небылицы  
В пустой и суетной толпе.  
Услышишь речи о погоде,  
О производствах, рысаках,  
Перчатках, галстуках по моде,  
Портных, танцовщицах, певцах.  
Но лишь Перозьо<sup>39</sup> пустит пар,  
Или Погодин вызов грянет,  
Весь Петербург мгновенно вспрянет,

88

Как будто на большой пожар...  
Уж не сидит он в ресторанах  
И на Арманс<sup>40</sup> он не глядит...  
Об антраците и норманнах  
Он вдохновенно говорит.  
Бежит он, дикий и суровый,  
Рискуя жизнью, взять билет —  
В пассаж, приют науки новый,

## Иль в старый — в университет!..

Действительно, два дня до диспута походили на новый год; приезжему человеку можно было подумать, что все разъезжают с визитами, а это они за билетами рыскали!.. В университете уже в четверг оказался недостаток в билетах, и вследствие того в городе на каждом шагу можно было встретить озабоченные лица и биться об заклад, что они тревожно заняты изобретением средств достать билет или каким бы то ни было образом попасть на диспут. Даже люди, которые принимали норманнов за потомков Нормы<sup>41</sup>, а о Литве знали только по Литовскому рынку, и те приходили в волнение от одной мысли о диспуте. И не даром!..

## 4

### НАГРАДА МИЛЫМ ДЕТЯМ

Детушки скушали, ложки обтерли,  
сказали спасибо.  
*Жуковский* («Овсяный кисель»).

Какие кудесники наши ученые, приобретшие себе авторитет! Можно сказать наверное, что ни Герман, ни Боско<sup>42</sup> и ни один из новейших магигов не может произвести того, что они делают. Герман заставляет цветы расти у себя в шляпе и потом раздает их прекрасному полу; ученые наши заставляют у себя во рту созревать людей и потом эту зрелость уничтожают, т. е. с человеком, даже с целым обществом делают то, что всякий фокусник производит с батистовым платочком: сжимает, сжимает, пока тот совсем исчезнет, а потом опять его вывертит из рук. Потешаются себе ученые над

православными душами!.. О нашей зрелости толковали весьма нередко, особенно в отчетах и патриотических стихотворениях. Со времени издания «Русского вестника» зрелость общественной среды нашей до того была часто провозглашаема, что наконец о ней стали говорить уже с очевидным опасением, чтоб мы не перезрели. И вдруг Е. И. Ламанский, бывший супер–арбитр в пассаже, одним словом уничтожает всю нашу зрелость<sup>43</sup>, — да ведь так искусно, что мы все усомнились, действительно не пропал ли наш платочек в руках профессора магии и не хочет ли он в самом деле сварить в нашей шляпе яичницу!.. Мы возбудили общественный вопрос из этого, и не меньше, чем Жмудью, интересовались тем, «созрели мы или не созрели». Под этим заглавием помещались даже длинные статьи в газетах. И вот прошло три месяца — новая перемена: явился новый профессор, во рту у которого мы мгновенно созрели, и все ужасно обрадовались... Но расскажем все как следует.

19 марта университетская зала представляла «умилительное слияние представителей литературы и наук, с одной стороны, и с другой стороны — самого учреждения, где науки и литература обрабатываются в высшей своей сфере, и слияние это могло служить верным залогом новых, утешительных

надежд для отечества». Действительно, в зале с семи часов давка была страшная: стулья были нумерованные, но половина народу не нашла своих мест; многие остались в проходах между стульями, другие забрали вбок, поближе к кафедрам двух противников, стоявшим одна против другой по обеим сторонам залы. Словом, в



течение получаса публика в живой картине представляла собою положение новгородцев, кривичей, чуди, мери и веси, в то время как они, изгнавши варягов за море и не давши им дани, не знали, что им затем с собою делать. Публика была велика и обильна, а порядка в ней не было... Наконец, явились норманны в образе г. Погодина. Тогда все стихло, и маститый норманщик, по обычаю всех новых владетелей, начал свое дело с благосклонного изъявления своей благодарности обществу и затем милостиво объявил, что *мы созрели*<sup>44</sup>. Вся присутствующая публика подпрыгнула кверху (отчего действительно показалась выше ростом), и взрыв оглушительных рукоплесканий выразил торжественную радость всего общества. Говоря языком поэзии,

Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

Мы в первую минуту не разделяли этой радости и благодарности. Мы думали: «Неужели в самом деле слова г. Ламанского были только невежливы, а не совершенно вздорны? Неужели действительно нас еще может радовать, когда до сведения нашего дойдет, что мы созрели? Дети бывают всегда очень довольны, когда их называют большими; так неужели и в нас есть то же самое чувство? Или в самом деле мы — те самые *взрослые дети*, для которых гг. Солдатенков и Щепкин издают свое «Чтение для взрослых детей?»<sup>45</sup> Один почтенный муж сказал, что вы мальчишка, а другой говорит, через несколько месяцев, в утешение: «нет, вы не мальчишка», — и вы кланяетесь, благодарите и не знаете, что делать от восторга. И по каким основаниям—то каждый из них произносит свой верховный приговор! Е. И. Ламанскому не понравилось, что публика шикает г. Серно-Соловьевичу, который ему пришелся по вкусу, и

вот мы не созрели; г. Погодину понравилось, что много народу собралось слушать диспут о норманнах, и у него в устах мы созрели! Это значит, что один авторитет называет вас невеждой за то, что вы не сочувствуете трагедиям Сумарокова, а другой признает вас образованнейшим человеком за умение разбирать глаголическую печать<sup>46</sup>. Правду сказать, если и в своих лекциях о банках и в исследованиях о норманнах гг. Ламанский<sup>47</sup> и Погодин точно так же основательны, то на них положиться довольно трудно. И с какой стати этот бесцеремонный намек в самом начале дела? Неужели г. Погодин считает это за комплимент? Но ведь он должен же понимать, что большому собранию людей, сошедшихся рассуждать о деле, не говорят: «господа! то, что вы не бросаетесь друг на друга и не кусаетесь, доказывает, что вы в здравом уме». А фраза о зрелости, сказанная взрослым людям, пришедшим в университет на диспут, совершенно равносильна такому обращению. Но отчего же публика рукоплещет?

Наши глубокие размышления прерваны были г. Лилиеншвагером, который сидел возле нас и в то время, как продолжались аплодисменты, успел импровизировать и прочитать нам следующую пьесу.

90

## БЛАГОДАРНАЯ ПЕСНЬ СОЗРЕВШЕГО РОССА

*(Насвистывается на голос: Славься сим, Максим Петрович.)<sup>48</sup>*

**Мы созрели! мы созрели!  
Веселись, созревший Росс!**

**Вот теперь ты в самом деле  
Стал полунощный колосс.**

**Помнишь, как тебя в пассаже  
Уложили в колыбель?  
Но созрел — (зимою даже!)  
Ты в четырнадцать недель\*.**

**Мы созрели! Мы созрели!  
Так Погодин нам сказал.  
Из Москвы для этой цели  
Он нарочно прискакал.**

**С той поры, как нас огрели,  
Жили мы, повеся нос,  
И твердя: «мы не созрели», —  
Проливали токи слез.**

**Но теперь возьмемте смелость,  
Взыскан милостями Росс:  
Из Москвы патент на зрелость  
Академик нам привез.**

**Мы созрели! Росс, пойми же  
И душою умились:  
Скинь—ка шапку да пониже,  
Да пониже поклонись!..**

**Выслушав эти стихи, мы сами преисполнились благоговением. В самом деле, мы прежде не приняли в соображение того, кто таков г. Погодин и кто мы все,**

---

\* Здесь маленькая пиитическая вольность: собственно в 13 недель, 6 дней, 4 часа и 30 минут, ибо незрелость наша засвидетельствована Е. И. Ламанским 13 декабря 1859 г., в воскресенье, в 3 часа пополудни, а патент на зрелость выдан нам г. Погодиным 19 марта, в субботу, ровно в восемь часов вечера. Неточность эту надо приписать единственно скорости сочинения, а то г. Лилиеншвагер сумел бы втиснуть в стих все измерения времени самым точным образом.

публика! Ведь он москвич, а мы петербуржцы; он авторитет, а мы простые смертные; он преисполнен норманским духом, а мы — ни то, ни се; он составил древлехранилище и продал его<sup>49</sup>, а мы по большей части не составляем (и не продаем) даже маленькой библиотеки. Действительно, *патент на зрелость* привез нам г. Погодин: г. Лилиеншвагер хорошо об этом выразился.

Какая честь для нас и всей России!<sup>50</sup>

Сам г. Погодин сказал, что мы созрели! Теперь мы смело можем глядеть в глаза Е. И. Ламанскому: клеймо, наложенное им, снято с нас; у нас есть документ о нашей зрелости, и если кто-нибудь вздумает нас попрекать Ламанским, мы теперь станем защищаться Погодиным.

«Не созрел», — сказал Ламанский;<sup>51</sup>

«Нет, созрел», — сказал Погодин.

«Свищет!» — вымолвил Ламанский;

«Рукоплещет!!» — рек Погодин.

И таким образом, вопрос о зрелости и незрелости решен в нашу пользу, по крайней мере до тех пор, пока г. Погодину тоже не покажется, что «свищет!..»

## ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ВЗРОСЛЫМИ ДЕТЬМИ

Стану сказывать я сказки,  
Песенку спою...<sup>52</sup>  
*Лермонтов*

Милостиво объявив публике, что она созрела, г. Погодин во все продолжение диспута так с нею и обходился, что давал разуместь: «вы ведь, дескать, зрелость—то от меня получили единственно по моему великому снисхождению; я же могу ее и отнять от вас: она ведь у меня во рту». Так, принявшись читать свои возражения г. Костомарову (до них нам дела мало: их смотри в «Современнике», так как он нынче в ученость пустился<sup>53</sup>), г. Погодин счел нужным отрекомендовать Костомарова публике. «Это, говорит, ученый, известный своими сочинениями о Богдане Хмельницком, о Стеньке Разине и многими важными журнальными статьями». Скажите пожалуйста — неужели?<sup>54</sup> А мы никогда и не слыхали об этом! Очень вам благодарны, г. Погодин, за такое любезное сообщение... Ну, а вы чем замечательны? Отчего же вы, кстати, не позаботились познакомить нас и с вашею особою?<sup>55</sup> Ведь ваша шумная деятельность относится к тому времени, когда мы еще действительно были незрелы, когда многих из нас еще и на свете не было. Между нами есть такие, которые не помнят не только вашей «Урании» на 1825 г., не только вашей «Невесты на ярмарке», «Исторических афоризмов», «Истории в лицах о Димитрии Самозванце», но даже знают только по слухам о ваших Путевых заметках<sup>56</sup> и едва—едва смутно припоминают учено—патетические статьи ваши, вроде «Послания к ученому», «Мыслей по

прочтении Соловецкого донесения», «О воскресной полночи в Кремле», «Исторических замечаний о политическом равновесии», «Речи при избрании директоров общества волжско–донской железной дороги» и проч. т. п. Не мешало бы вам сообщить собравшейся публике хотя краткое обозрение этих и других «важных журнальных статей», чтобы публика, знакомясь из вашей рекомендации с г. Костомаровым, не могла остаться в неведении и насчет вашей литературной и ученой деятельности.

Впрочем, мы забываем одно обстоятельство: г. Погодин является к нам как власть имеющий; его должны все заранее знать и всех других должны знать только по его рекомендации. Это ясно; нечего нам и добиваться.

Что уж говорить о г. Костомарове? Г. Погодин, по выслушании возражений своего противника, счел необходимым, во–первых, *аттестовать* его доводы, сказавши, что они отличаются остроумием и проч. (см. подлинные слова в «Диспуте»), а потом, вместо всякого ответа, угостить всю публику баснею о крестьянине и его детях... да ведь не в намеке, не в двух словах, а в целом обстоятельном рассказе, с особою моралью! Этот эпизод был великолепен: тысячи образованных людей слушают с университетской кафедры, по поводу вопроса о Жмуди, басню о пучке прутьев! Г. Погодин, очевидно, полагает, что для созревшей публики необходимы такие доводы; но он забыл, что и для незрелых слушателей г. Серно–Соловьевич доказывал неправоту

г. Перозио тем, что два полтинника и два четвертака не составляют четырех полтинников... И тогда ему шикала несозревшая публика. Увы! тоже произвела и созревшая, услышав басню...

Но как же г. Погодин пригнал басню к своему ответу? Посмотрите в «Современнике» подлинные слова его. А мы, если угодно, предложим и объяснение, сделав вольное предложение приведенной им басни.

## НОРМАННЫ И ПУК

### *Басня*

*(Вольное предложение из академика Погодина;  
на музыку будет положено, вероятно,  
Александром Васильевичем Лазаревым)<sup>57</sup>.*

Задумав долг отдать природе\*,  
Мужик к себе сынов и внуков пригласил,  
И сочинил  
Им завещанье в новом роде:  
Пук розог им вручил  
И предложил,  
Чтоб кто–нибудь из них его переломил.  
Пыхтел тут каждый сын, чтоб похвалил отец,  
И каждый внук кряхтел, чтобы потешить  
деда...  
Но наконец  
Сознались, что победа  
Над пуком сим  
Не дастся им.  
Тогда старик пук развязал

---

\* Стих сей заимствован из одной детской басни Б. М. Федорова<sup>58</sup>, за что и приносим ему нашу чувствительную благодарность.

И им сказал,  
Чтоб каждый взял  
По пруту  
И так ломал.  
И что же? В ту ж минуту  
Всяк, даже самый малый внук  
Свой прут сломал.

И вдруг —  
Где пук?!

---

Смысл притчи сей совсем не тот,  
Какой нам с детства был известен;  
К вопросу о норманнах он идет,  
И здесь весьма уместен.  
Когда теорию норманства вообще  
Одним усилием разрушить вы хотите,  
То вы погубите труды свои вотще  
И никого не убедите.  
Но если вы начнете разбирать  
Все доказательства отдельно,  
Тогда, конечно, вам нетрудно их сломать  
И всех нас поразить смертельно.  
Итак, мораль здесь та:  
Доводы разбирать не следует отдельно,  
А взятыся следует за общие места:  
Вот это будет дельно,  
И выгодно защитникам норманства.  
А то пожалуй вдруг  
Исчезнет их ученое убранство,  
Как в басне — пук.



**Рассказ этот произвел впечатление, которое тоже должно быть изображено стихами:**

**Так рек он, новейших времен  
Менений Агриппа.  
Но плохо он был оценен:  
Змеиного шипа  
В ответ ему кто-то пустил,  
И всюду по зале  
Послышался шопот: «Нет сил  
В норманском начале!..  
Явился норманщик с Москвы  
Во имя науки,  
И важно, пространно — увы! —  
Толкует — о пуке.**

93

**Пришла к академику мысль  
Скрываться за сказки!  
Скорей его, Клио<sup>59</sup>, причисль  
К друзьям Свистопляски!»  
И шипом змеиным прошел  
Тот шопот по зале.  
Но речь Костомаров повел,  
И все замолчали.**

**Г. Костомаров ответил тоже аллегорически, попросив, впрочем, предварительно позволения на это. Он указал на театральные иллюзии, происходящие от размалеванных декораций, и утверждал, что нужно рассматривать дело ближе, если хочешь узнать настоящую истину. Г. Погодин тотчас же согласился,**

потому что именно это заключение выходило и из его басни. Затем пошел спор о частностях, который уже составляет достояние «Современника» и из которого мы похитим только три перла — об авторитетах, о порогах и о тайном голосе.

Неизвестно, выбившись ли из сил или желая сделать тонкий намек публике и своему противнику (который, как видно из ответа его, вполне понял этот намек), г. Погодин вдруг заговорил об уважении к авторитетам и в пример представил самого себя: как он уважал Карамзина, и как Карамзин сказал ему, по поводу перевода Эверса, что в норманнстве истина!..<sup>60</sup>. Какие трогательные подробности о числе и годе этого свидания (26 дек. 1825 г.)<sup>61</sup> сообщил г. Погодин! Жаль, что не прибавил, в чем одет был историограф, когда г. Погодин пришел к нему с переводом Эверса!

Г. Лилиеншвагер, все время мешавший нам слушать, и тут вдохновил и засвистал нам на ухо:

В двадцать пятом году, в декабре, —  
Помню — двадцать шестого числа...  
Был я в юной и свежей поре  
И свершил я большие дела:  
Книгу Эверса я перевел  
И представил немедля тому,  
За кем я бессознательно шел,  
Чьему слепо дивился уму...

— Да Погодин не говорил этого, — перебили мы.

— Ничего, мысль его была такова, — отвечал пиита и продолжал:

И меня спросил он тогда,  
Зачем Эверса я преложил:

**«Не годится ведь он никуда,  
Ибо с юга он Русь выводил».  
Я в ответ ему скромно сказал:  
«Для того перевел я его,  
Чтоб негодность его увидал  
Русский люд из него самого».  
Благосклонно взглянув на меня,  
Мне ответил тогда Карамзин:  
«Мне ясней теперь божьего дня,  
Что из споров исход нам один —  
Тот, что к нам из норманской земли  
Рюрик, Синеус, Трувор пришли».  
Так сказал мне тогда Карамзин,  
И слова те запали мне в грудь.  
Пусть меня покарает Óдин<sup>62</sup>,  
Если я вам соврал что-нибудь!  
Вот душа занята чем была  
Еще в юной и свежей поре,  
Помню — двадцать шестого числа,  
В двадцать пятом году, в декабре!**

Не знаем, заслужили-ль бы одобрение публики мысли г. Погодина, изложенные в такой форме. Но в подлинном своем виде рассуждение г. Погодина об авторитетах и даже жалобы его на «молодую литературу» приняты были очень холодно, несмотря на то, что он к концу своей фразы приклеил довольно ловко злоупотребления акционерных обществ. Известно, что в Александрийском театре возбуждают фурор фразы, вроде, напр., «домовладельцы, эти кровожадные вороны!», и т. п. Судя по этому, мы думали, что и фраза г. Погодина о молодой литературе, торопливо обернутая акциями,

вызовет взрыв рукоплесканий. Но совершенно ничего не бывало: аплодисменты раздались позже, после реплики его противника. Это, вероятно, и вызвало вдохновение нашего пииты.

Таким образом, г. Погодин должен был отказаться и от авторитетов, услышав, что порядочный авторитет только тот и есть, который ни в чем не стесняет свободы мнения, ища в своих изысканиях не удовлетворения личного самолюбия, а одной истины. Стали спорить без авторитетов. Но тут г. Погодин как раз наткнулся *на пороги*. Может, вы этого дела не изучали, так мы расскажем вам: мы ведь на все руки...

Видите ли, Константин Багрянородный<sup>63</sup>, византийский автор X века, написал сочинение об управлении государством, и так как собственное управление мало занимало его, то он и пустился здесь в ту науку, которую г-жа Простакова называет недворянской<sup>64</sup>. Перебирая разные местности, он, между прочим, говорит о семи порогах на Днепре и приводит их названия на двух языках: по-славянски, говорит, называется так-то, а по-русски так-то. Ученые принялись добираться, какой же это язык разумеется под именем *русского*. Лерберг написал об этом даже чуть не целую книгу<sup>65</sup>. Норманнщики, разумеется, принялись объяснять все из скандинавских языков. Между этими порогами особенно показались им ясны: *Варуфорс*, по-славянски *Вульнипраг*, и *Геляндри*. Нашли в скандинавском *war* — тихий и *fors* — порог, а славянское имя растолковали — вольный праг; *вольный* и *тихий* — все равно, стало быть ясно... Другой порог, *Геляндри*, назван у Константина *по-славянски*, а как он по-русски — этого не сказано; но норманнщики решили, что тут ошибка, и нашли в исландском точно такое слово, с

значение *шумящий*. Опять ясно. Руководясь такими светлыми соображениями, г. Погодин, после всех доводов противника, объявил, что Геляндри и Варуфорс — это такие два столба, которые всегда поддержат норманнство и выдержат какой угодно напор. Наш сосед, соперник г. Розенгейма, так воодушевился при этих словах г. Погодина, что немедленно развил их в следующих стихах:

### ДВА ПОРОГА

(*Насвистывается на голос: «задеть мою амбицию»...<sup>66</sup>*)

*Геляндри и Варуфорс —  
Вот два мои столба!  
На них мою теорию  
Поставила судьба.  
Порогов сих названия  
Так Лерберг объяснил  
Из языка норманнского,  
Что спорить нету сил.  
Конечно, автор греческий  
Их мог и перевернуть;  
Но мог, против обычая,  
И верно написать.  
Геляндри хоть приводит он  
В числе славянских слов;  
Но ясно — здесь ошибся он,  
Не зная языков.  
В славянских всех наречиях  
Такого слова нет:  
Но, обратясь к исландскому,  
Сейчас найдем ответ.  
Так точно и Варуфорс*

Быть может объяснен  
Лишь только скандинавскою  
Пригонкою имен.  
*Геляндри и Варуфорс* —  
Вот, так сказать, быки,  
Об кои обобьете вы  
Напрасно кулаки!

95

Таким образом, из порогов г. Погодин (по крайней мере в стихах г. Лилиеншвагера) выехал благополучно. Но все-таки продолжать спор без авторитетов ему, как видно, показалось затруднительно, и он, при самом конце уже, обратился к ресурсу, никем неожиданным и почерпнутому им, по всей вероятности, из «Ключа к тайнствам природы» Эккартсгаузена<sup>67</sup>: он вдруг сослался на *тайный голос*! Хоть бы, говорит, и заставили меня отказаться от норманства, не верьте мне, какой-то тайный голос шепчет мне<sup>68</sup>: норманны, норманны!...

Ну, хороша наша наука, только славушка дурна, подумали мы; а г. Лилиеншвагер сейчас же на ухо — со стихами. Слушайте, говорит:

## ТАЙНЫЙ ГОЛОС

(*Свищется на известного «Мальбруга»<sup>69</sup>.*)

Пускай, вы победили,  
Я спорить не могу;  
Но все я в прежней силе  
Норманнство берегу.

**Моих авторитетов  
Не слушаете вы,  
Других же вам ответов  
Не взял я из Москвы.**

**Я мог бы, как Ламанский,  
Вас всех теперь огреть:  
«До истины норманской  
Вам нужно, мол, дозреть!»**

**Но я — клянусь — несроден  
К такому куражу.  
Как русский, как Погодин,  
От сердца вам скажу:**

**«Хоть я и откажуся  
От взгляда своего,  
Так это все, божуся,  
Не значит ничего.**

**Слаба у нас наука,  
И толку мало в ней;  
Но есть во мне порука  
Надежней и верней.**

**Какой-то чрезвычайной  
Я силой обуян:  
Мне шепчет голос тайный,  
Что Рюрик был норманн.**

**На вере к сим внушеньям  
Основан весь мой взгляд:  
Доверьем и смиреньем  
Весь наш народ богат».**

— Опять громкое словцо, которого профессор не говорил, сказали мы Конраду Исаичу (пора сообщить публике имя и отчество нашего поэта: после знаменитого «Протеста»<sup>70</sup> он не может уже конфузиться своим отчасти еврейским происхождением).

— Теперь не говорил, так прежде говорил, — возразил Конрад Исаич: — что ж я, по-вашему, три единства, что ли, должен соблюдать в стихах своих? А вы вспомните-ка, напр., хоть речь г. Погодина при выборе директоров волжско-донской железной дороги<sup>71</sup>. Что он тогда говорил? Я приведу, пожалуй, подлинные его слова. «В наших ушах, говорит, прозвенели только два слова, Волга и Дон, — и мы, ни о чем больше не рассуждая, ничего не спрашивали, ничего не исследуя, принесли свои деньги, на одно честное слово... Что доказывает это явление? Это доказывает, что у нас есть доверие, вера, кредит особого, высшего рода. Это сильный рычаг деятельности, верный залог и твердое основание великих дел и успехов. Да, в русском народе есть много веры в разных ее видах — это его достоинство». И на основании этого достоинства г. Погодин предложил не делать выборов в директора,

а просить о назначении их учредителей — В. А. Кокорева, Н. А. Новосельского и др. Не хотите ли, я все это вам в стихах изложу сейчас же?

— Нет, уж избавьте на этот раз, отвечали мы, видя, что г. Лилиеншвагер находится в ужасном ударе стихотворства (что с ним, к счастью русской публики, бывает довольно редко).



Но нам не суждено было в этот вечер отделаться от стихов. Только что прение кончилось — по обыкновению ничем, только что противники сошлись среди залы, торжественно расцаловались и были подняты на руки, а г. Костомаров даже понесен на руках из залы, только что мы оправились от внезапного напоминания о бессмертии души, сделанного г. Погодиным<sup>72</sup>, — как вдруг в ушах наших раздался романс «Когда б он знал»<sup>73</sup> в переложении нашего приятеля. Романс этот служил достойным pendant\* к заключительной речи г. Погодина, и мы, не имея ничего более прибавить, решаемся закончить им наш отчет о знаменательном диспуте, столь много послужившем к возвышению блистательного красноречия и удачного остроумия г. Погодина.

## 6

## РОМАНС

## МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

*(от рыцаря Свистопляски)*

Когда б он знал, что рыцарь Свистопляски  
Невольно с ним сливается душой  
И больше рад его ученой ласке,  
Чем он был рад... ..

Когда б он знал, как мил мне «Москвитянин»,  
Где всяк писать из чести был бы рад!<sup>74</sup>  
Когда б он знал, что мне совсем не странен  
Его порыв к востоку, на Царьград<sup>75</sup>.

---

\* дополнением (франц.). — Ред.

**Когда б он знал! Когда б он знал!..**

**Когда б он знал, как слог его прилежно  
Я в «Путевых заметках» изучал<sup>76</sup>,  
Когда б он знал, как пристально и нежно  
Его статью я в «Парусе» читал!<sup>77</sup>**

**Когда б он знал, что в спичах затрапезных  
Меня живит его вертлявый тон  
И что из всех ораторов полезных  
Милее всех мне Кокорев да он!**

**Когда б он знал, в борьбе о жмудском деле,  
Что уж во мне романс ему созрел!  
Решась сказать, что все уж мы созрели,  
Когда б он знал, что тут и я сидел!**

**Когда б он знал! Когда б он знал!**